

DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-4-1

УДК 94(470.1/.2)''1918/1920''-057.8

Соколова Флера Харисовна

Доктор исторических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)
f.sokolova@narfu.ru

Sokolova Flera

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov (NArFU)
(Arkhangelsk, Russia)
f.sokolova@narfu.ru

Расколота интеллигенция Европейского Севера России в 1918–1920 годы*

The Split Intelligentsia in Northern European Russia in 1918–20

Аннотация. В статье на основе анализа новейших исследований российских и зарубежных авторов и широкого привлечения исторических источников выявляется роль и место интеллигенции Европейского Севера России в Гражданской войне, развернувшейся в регионе в 1918–1920 гг. Рассмотрены идейно-политические взгляды, общественные установки и модели поведения интеллигенции, оказавшейся волей случая по разные стороны «баррикад»: в зоне действия советской власти и на территориях, подконтрольных антибольшевистским силам. Отмечается, что не без участия политизированной части интеллигенции Гражданская война приобрела столь масштабный и кровопролитный характер, так как именно она являлась лидером и идеологом различных политических партий и общественных движений, формировала их социальную основу. На Европейском Севере России острое противостояние и идейно-политическая конфронтация были обусловлены высокой концентрацией антибольшевистских сил – выходцев из других регионов и внешним фактором, в частности присутст-

* Для цитирования: *Соколова Ф.Х.* Расколота интеллигенция Европейского Севера России в 1918–1920 годы // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2018. Т. 2. № 4. С. 51–81. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-4-1

For citation: Sokolova, F. “The Split Intelligentsia in Northern European Russia in 1918–20”. *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 2, no. 4 (2018): 51–81, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-4-1>

© Соколова Ф.Х., 2018

© Sokolova F., 2018

вием союзнических войск. Преобладающее большинство региональной интеллигенции, несмотря на симпатии в пользу антибольшевизма, проявляло тягу к культурно-созидательной деятельности на профессиональном поприще. Выявлено, что на протяжении 1918–1920 гг. происходит существенная трансформация взглядов, позиций и отношения интеллигенции к сложившимся в регионе политическим институтам и реализуемым практикам. В условиях расколотого социокультурного пространства интеллигенция «Красного» и «Белого» Севера приходит к идентичной мысли о безальтернативности большевизма и советской власти. Обусловлено это было множеством факторов. Разнородный по своему политическому составу лагерь антибольшевизма погряз в идейно-политической борьбе и конфликтах, которые проявлялись на всех уровнях власти, не смог обеспечить конструктивное функционирование режима и наладить эффективный диалог с региональной интеллигенцией. В свою очередь в зоне действия советской власти была обеспечена концентрация сил, средств и интеллектуальных ресурсов, что обеспечило ее победу в Гражданской войне.

Ключевые слова: Гражданская война, Европейский Север России, интеллигенция, идейно-политические взгляды, общественная позиция.

Abstract. The article reveals the place of the intellectual élite – the intelligentsia – in Northern European Russia and the role it played in the Civil War that took place in the region in 1918–20. The article is based on the analysis of the latest research of Russian and foreign authors and takes into consideration various historical sources. It describes the ideological and political views, social attitudes and behaviour patterns of the intelligentsia which found itself ‘on opposite sides of the barricades’: in the area accountable to Soviet power and on the territories controlled by the anti-Bolshevik forces. It is noted that the Civil War became so bloody and large-scale partly because of participation of the politicized part of the intellectual élite in the war, as it was the intelligentsia that often became leaders and ideologists of various political parties and social movements and formed their social basis. In Northern European Russia, the sharp confrontation as well as ideological and political struggle took place due to the high concentration of anti-Bolshevik forces, mostly people migrating from the other regions, and due to an external factor, particularly presence of the allied forces. Most of the regional intelligentsia, despite their sympathy for anti-Bolshevism, showed their aspiration for cultural and creative activity in the professional field. It is shown that 1918–20 were the years that marked the significant transformation of points of view, attitudes and moods of the intelligentsia towards different political institutions that developed in the region and towards the implemented practices. Under the conditions of such a divided sociocultural space, the intelligentsia of ‘Red’ and ‘White’ North hit on the same idea that at that time there was no alternative to Bolshevism and Soviet power. This was due to several factors. Among other things, it was the fact that the followers of anti-Bolshevism, quite heterogeneous in their political composition, were drowning in their ideological and political struggle and conflicts that took place at all levels of power, so that they failed to ensure the constructive functioning of the regime and establish an effective dialogue with the regional intelligentsia. In turn, the concentration of forces, means and intellectual resources was ensured around the operation of Soviet power, which in turn also provided the victory of the Soviets in the Civil War.

Keywords: Civil War, Northern European Russia, the intelligentsia, intellectual élite, ideological and political views, public position.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917–1918 гг.»).

Gratitude. The article has been prepared in the framework of a study supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-09-00237 ‘Global changes in the local dimension: The population of the Northern Province and the events of 1917–18’).

Введение

Гражданская война 1918–1922 гг. – тяжелейшая социальная драма, оказавшая существенное влияние на судьбы мира, страны, регионов, конкретного человека. Этот многомерный феномен втянул в орбиту своих действий все без исключения слои российского общества и вылился во множество видов войн и противостояний: между регулярными армиями, регионами, общественно-политическими движениями, социальными слоями. В условиях резко возросшей интолерантности и эмоционального перенапряжения в противоборствующих лагерях нередко оказывались не только представители одних социальных групп, но и члены одной семьи.

Одним из аспектов многогранной социальной истории Гражданской войны является проблема места и роли интеллигенции, которая находится в исследовательском фокусе как российских, так и зарубежных ученых. Российская исследовательская традиция берет свои истоки с 20-х годов XX века и представлена огромным массивом публикаций. Интеллигентоведческий бум 1990-х гг. существенно расширил тематику исследований. Наряду с традиционными появились новые исследовательские сюжеты: интеллигенция и антибольшевистское движение; судьбы интеллигенции в постреволюционной России, интеллигенция и эмиграция¹.

В настоящее время центр исследований сместился из столичных городов в регионы. В частности, концентрация интеллигентоведческих кадров, занимающихся вопросами теории и истории интеллигенции, ее места и роли в жизни

¹ Волков В.С. Русская интеллигенция в Гражданской войне: позиции, функции, роль // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год: Материалы 2-й сессии, 28–30 июня 1993. М.: Наука, 1994. С. 132–133; Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 1990-е годы). Архангельск: Боргес, 2000; Зимина В.Д., Гражданов Ю.Д. Интеллигенция в политических процессах России начала XX века. Волгоград: Издательство Волгоградской академии государственной службы, 1999; Тетеревлева Т.П. Северная российская эмиграция: генезис и адаптационные процессы. 1918–1930-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск: Поморский государственный университет, 1997.

российского общества, происходит вокруг НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. Тематика интеллигенции в революционных процессах 1917 года и в условиях Гражданской войны широко представлена на тематических международных конференциях, проводимых центром, и на страницах журнала «Интеллигенция и мир»².

Революционные процессы 1917 года и Гражданская война глазами различных профессиональных и региональных групп интеллигенции, ее идейно-политические взгляды, система взаимоотношений с большевистской властью и антибольшевистскими режимами, судьбы интеллигенции в постреволюционной России и на чужбине нашли отражение в материалах международного шестилетнего проекта, посвященного событиям 1917–1922 гг. в России, который был реализован Северо-Западной секцией Научного Совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций в 2007–2012 годах (Архангельск)³.

Обозначенная тематика не обделена вниманием со стороны Ассоциации исследователей Гражданской войны – междисциплинарного объединения историков нескольких стран, который ежегодно издает свой Альманах⁴.

На рубеже XX–XXI вв. начинается «новое» прочтение истории российской интеллигенции в зарубежной научной литературе. Уходят в прошлое веховские, исключительно обвинительные интерпретации интеллигенции. Принимаются попытки представить весь спектр ее идейно-политических взглядов и их эволюцию в 1917–1922 годах, выявить практикуемые модели взаимодействия интеллигенции с советской властью и антибольшевистскими режимами. Указывается на многообразие мотивов служения советской власти, среди них: добровольное или вынужденное сотрудничество, пассивное сотрудничество и внутренняя эмиграция, коллаборационизм. Вполне справедливо отмечается, что

² Интеллигенция и мир. Официальный сайт. URL: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/ (Дата обращения 05.05.2018)

³ *Квакин А.В.* Развертывание широкомасштабной Гражданской войны и новая советская повседневность интеллигенции России // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: сб. мат. междунар. конф. Архангельск: Солти, 2008. С. 198–204; *Молодов О.Б.* 1920 год в судьбе православия на Вологодчине (по материалам периодической печати) // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: сб. мат. междунар. конф. Архангельск: Солти, 2010. С. 144–148; *Дьячков В.Л., Протасов Л.Г.* Региональные политические элиты на историческом переломе 1917–1921 гг. // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сб. мат. междунар. науч. конф. Мурманск: МГТУ, 2011. С. 147–150; *Романовский В.К.* 1921 год: российская интеллигенция в поисках национального примирения // Там же. С. 194–198; *Колтовой Е.Ф.* Бывшие белые. Шаги в неизвестность // 1922 год в судьбах России и Европейского Севера: финал, итоги, последствия Гражданской войны в России: сб. мат. междунар. конф. Архангельск: САФУ, 2012. С. 185–189.

⁴ Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России / отв. ред. В.И. Голдин. Архангельск: САФУ, 2015–2017.

«белое» движение, раздираемое противоречиями, оказалось неспособным консолидировать интеллигенцию⁵.

Специфика историографического периода конца XX–XXI вв. – попытки нового концептуального прочтения региональной тематики. Несомненный интерес представляет точка зрения А.А. Данилова, В.С. Меметова, которые предлагают рассматривать пространство российского государства не как унифицированную и единообразную целостность, а многообразную совокупность самостоятельных региональных подсистем, где общенациональные процессы получали своеобразное преломление и линия поведения интеллигенции в 1918–1922 гг. имела свою специфику⁶. В данном контексте представляется значимым выявление общественно-политических установок и линии поведения интеллигенции Европейского Севера России в годы Гражданской войны, которая в настоящее время представлена единичными исследованиями, посвященными отдельным профессиональным группам⁷.

Основная часть

Гражданская война провела демаркационную линию по некогда единому социокультурному пространству Европейского Севера России, разведя по разные стороны баррикад семьи, социальные и профессиональные группы, уезды, культурно-исторические взаимосвязанные губернии. В результате установления власти антибольшевиков в Архангельске 2 августа 1918 года в зоне влияния большевиков остались Вологодская и Северо-Двинская губернии, часть южных уездов Архангельской области. В состав «Белого Севера», получившей название «Северная область», вошли северные уезды Архангельской губернии,

⁵ *Manchester L.* Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia and the modern self in revolutionary Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008; *Stammler H.A.* Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia, 1900–1912: The Vekhi Debate and its Intellectual Background. New York: Barnes & Noble, 1980; *Burbank J.* Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922. New York; Oxford: Oxford University Press, 1989. URL: <https://books.google.ru/books?id=nJHHAAtsOL4C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (Дата обращения 20.04.2018); *State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History* / edited by Diane P. Koenker. Bloomington: Indiana University Press, 1989. URL: https://books.google.ru/books?id=rhzQKk40WCIC&dq=Russian+Intelligentsia+and+Civil+War&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (Дата обращения 20.04.2018); *Read Christopher.* Culture and Power in Revolutionary Russia: the Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. New York: St. Martin's Press, 1990.

⁶ *Данилов А.А., Меметов В.С.* Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново: ИвГУ, 1997.

⁷ *Малахов Р.А.* Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1918–1920-х годов. На материалах Архангельской и Вологодской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Вологда: ВоГУ, 1999; *Силин А.В.* Учителство Европейского Севера в годы революции и Гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск: Поморский государственный университет, 2000.

включая Мурманский край. Вопрос «Кто кого?» в данном случае во многом зависел от того, насколько созданным структурам власти удастся обеспечить интеллектуальное насыщение собственных движений. Именно с интеллигенцией связывались надежды на консолидацию местного сообщества под своими знаменами, эффективную организацию вооруженных сил и обеспечение жизнедеятельности тыла.

Следует признать, что стартовые возможности «Красного Севера» были заметно слабее. В пользу антибольшевистских сил склонялись симпатии интеллигенции, которая в преобладающем большинстве осудила события Октября 1917 года и протестными акциями встретила первые мероприятия советской власти.

В зоне действия советской власти положение в регионе осложнялось малочисленностью квалифицированных специалистов, численность которых существенно сократилась в связи мобилизацией в армию в годы Первой мировой войны. В период 1914–1917 гг. на фронт было мобилизовано 40 % врачей, фельдшеров, лекарских помощников. На 50 % сократилась численность специалистов сельского хозяйства. В Вологодской губернии к началу 1919 года из-за отсутствия специалистов не функционировали 5 из 12 врачебных ветеринарных пунктов. По причине отсутствия кадров были закрыты 84 школы губернии⁸.

В условиях начавшейся Гражданской войны в регионе и в связи с массовой мобилизацией специалистов в ряды Красной Армии диспропорция между спросом и предложением на квалифицированный труд возросла. Только за период с сентября 1918 года по июль 1919 года более 700 медицинских работников, 50 % наличного состава ветеринарных врачей, 30 % ветеринарных фельдшеров были отправлены на фронт⁹.

Кадровая проблема обострялась в связи с попытками скорейшего построения основ коммунизма военно-мобилизационными методами. В короткие сроки предполагалось решение целого комплекса проблем: ликвидации безграмотности, введение всеобщего обязательного обучения, развитие широкой сети массовых культурных учреждений и пролетаризация средне-специальной и высшей школы, тотальная национализация предприятий.

В свою очередь «Белый Север» стал центром притяжения интеллигенции из других регионов страны. Наблюдался интенсивный приток в регион идейных противников большевизма, юристов, инженеров, учителей, представителей творческих профессий, не согласных с политикой советской власти.

⁸ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 273. Оп. 1. Д. 232. Л. 115; Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 585. Оп. 2. Д. 220. Л. 27–28; Д. 510. Л. 55.

⁹ ГАВО. Ф. 585. Оп. 2. Д. 155. Л. 96–97; Д. 220. Л. 27–28, 60; Д. 510. Л. 55.

Росту удельного веса интеллигенции в Северной области способствовали миграции внутреннего порядка, в частности бегство интеллигенции с территорий, занятых Красной Армией. В журнале особого совещания Северной области по устройству беженцев на 27 февраля 1919 года было зафиксировано 800 беженцев. Каждый четвертый из них был представителем интеллектуальных профессий. К примеру, в ночь с 25 на 26 января 1919 года из Шенкурска, захваченного частями Красной армии, бежало 606 чел. 130 из них являлись квалифицированными специалистами. Среди них 44 чиновника, 22 педагога, 11 священнослужителей, 10 представителей сельскохозяйственной интеллигенции. Среди беженцев зарегистрированы: бывший депутат IV Государственной думы, председатель Шенкурской уездной управы П.А. Леванидов; директор Шенкурской гимназии А.А. Ельцов; редактор уездной газеты В.П. Кузнецов; уездный агроном Г.Н. Преображенский; лесной ревизор Ф.Г. Михайлов и многие другие.¹⁰

Как следствие, к началу 1919 года численность интеллигенции в Северной области возросла в 2,5 раза. В связи с созданием разветвленной системы управления и судопроизводства на 50 % увеличилась численность чиновников, в 7 раз – общее количество юристов, на 25 % – общая численность педагогов, врачей, медицинских и ветеринарных фельдшеров. Каждый четвертый представитель образованного слоя был офицером¹¹. Многие из них являлись выходцами из высших слоев общества и имели высокий уровень образования. В связи с большим наплывом приезжих наблюдался переизбыток педагогов в школах Мурманского края и приграничного с советской зоной Холмогорского уезда¹².

Однако анализ динамики развития общественно-политических взглядов интеллигенции Северной области, сложившейся практики взаимодействия с антибольшевистской властью, дает основание утверждать, что правительство Северной области не смогло воспользоваться предоставленными преимуществами в силу комплекса причин.

Проявившиеся вскоре противоречия между местной и пришлой интеллигенцией к середине 1919 года переросли в открытую вражду и взаимные оскорбления. В основе конфликта лежал ряд причин. Во-первых, противоположные социальные установки. Местная интеллигенция отличалась слабой политизированностью и была преимущественно ориентирована на культурно-созидательную деятельность. Даже политизированная часть городской интеллигенции связывала с антибольшевистской властью надежды на решение соци-

¹⁰ ГААО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 37. Л. 41–43; Ф. 2069. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–89.

¹¹ Соколова Ф.Х. Интеллигенция Европейского Севера России: формирование, динамика взаимоотношений с властью (1917–1930-е годы): дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск: Поморский государственный университет, 2005. С. 286.

¹² ГААО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 592. Л. 6–12; Ф. 1865. Оп. 1. Д. 436. Л. 32; Д. 900. Л. 85–86; Возрождение Севера. 1918. 23 сентября.

альных, культурных и экономических задач региона¹³, тогда как пришедшая интеллигенция отличалась чрезмерной политизированностью и в числе приоритетных задач видела борьбу с большевизмом. Во-вторых, пришедшая интеллигенция занимала ведущие позиции во всех значимых властных структурах, отстранив от участия в них местную интеллигенцию. Увлеченная политической борьбой, не обладая должной профессиональной компетентностью и не зная специфики местных условий, приезжая интеллигенция, осевшая во властных структурах, не была способна на конструктивную управленческую деятельность, чем вызывала заслуженные упреки и обвинения со стороны регионального сообщества. Кроме того, интеллигенция из центра воспринимала Север как захолустье, отсталую провинцию и пренебрежительно относились к местной интеллигенции, что усиливало напряженность в отношениях.

Много нелюбимых взаимных упреков звучало на передовых страницах региональных газет. Местная интеллигенция обвинялась в равнодушии, политической безграмотности, приверженности мещанской психологии потребителя. Ее призывали проснуться от «летаргического сна», отказаться от нейтральности, когда «страна в опасности и раздирается противоречиями»¹⁴. У местной интеллигенции в свою очередь вызывали раздражение «новоиспеченные министры», которые приехали управлять областью, не удосужившиеся прочитать «элементарные учебники по гражданскому и административно-хозяйственному праву» и делающие политику «не зная местных условий и особенностей края»¹⁵.

Престиж антибольшевистской власти падал в глазах северной интеллигенции в связи с расколом внутри весьма разнородного по своему политическому составу антибольшевистского движения, его неспособностью консолидироваться, забыть разногласия в условиях нависшей угрозы. Идеологи антибольшевизма были едины в стремлении освободить Россию от большевиков, но зачастую кардинально противоположно представляли будущее устройство «единой и великой России», пути и средства реализации поставленной цели. Потерявшие в одночасье социальный статус, бывшие привилегии, они были крайне нетерпимы к альтернативным взглядам, не способны идти на уступки и компромиссы и были готовы к использованию любых средств для достижения своих целей.

Постепенно идейно-политическая дифференциация переросла в открытую конфронтацию. Как свидетельствует контент-анализ периодических изданий

¹³ Русский Север. 1919. 25 апреля, 7 мая, 8 мая.

¹⁴ Северное Утро. 1918. 15 августа, 22 ноября. 25 ноября; 1919. 20 января, 25 января, 13 февраля, 9 марта, 4 сентября; Отечество. 1918. 15 сентября; 1919. 11 января, 11 февраля, 11 марта.

¹⁵ Русский Север. 1919. 26 марта, 25 апреля.

различной политической направленности, лидеры различных социально-политических групп и общественных движений постоянно призывали к единению и прекращению политиканства и сами же его подрывали¹⁶.

Многочисленные правительственные кризисы, бесконечные конфликты различных ветвей власти (между военной и гражданской администрацией, структурами правительства Северной области и земскими учреждениями, представителями российской и зарубежной военной администрации), эволюция антибольшевистского режима в пользу правых сил (после падения Верховного Управления Северной области и создания Временного правительства Северной области 9 октября 1918 года) и в сторону военной диктатуры (после приезда в Архангельск в январе 1919 года генерала Е.К. Миллера, назначенного на должность генерал-губернатора с правами главнокомандующего отдельной армией), набравшая обороты карательно-репрессивная политика и принудительно-мобилизационные методы взаимодействия с обществом окончательно дистанцировали региональную интеллигенцию от власти и нивелировали в ее глазах различия между советским и антибольшевистским режимами. Наиболее массовые группы северной интеллигенции: основная часть педагогов, члены медико-ветеринарного фельдшерского общества, техники, сельскохозяйственная интеллигенция, часть земских чиновников были вынуждены признать, что «порядки в регионе не лучше, чем в большевистской России»¹⁷.

Региональная интеллигенция приходит к убеждению, что для приезжих политиков нет дела ни до их малой родины, ни до России, что они, прикрываясь высокими идеями, преследуют свои узкопартийные или личные интересы. Генерал В.В. Марушевский, помощник генерал-губернатора по военной части и начальник управления командующего русскими войсками Северной области, так описывал ситуацию: «Архангельская область относилась к своему правительству с полным безразличием, поражающим каждого вновь прибывшего в город. Правительство не подвергалось нападкам или резкой критике со стороны общественности, но и не встречало ни малейшей поддержки»¹⁸.

Попыткой правых консолидировать под своим крылом «государственно-мыслящую» часть северной интеллигенции явилось оформление в апреле 1919 года Союза интеллигенции. Формально по замыслу организаторов целью Союза являлось привлечение интеллигенции к «возрождению русского национального самосознания на основе идей государства, отечества, нации, права и культуры». Однако за лозунгами «надклассовости и надпартийности» скрыва-

¹⁶ Северное утро. 1919. 13 декабря.

¹⁷ Возрождение Севера. 1919. 8 августа.

¹⁸ *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 – август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск: Правда Севера, 1993. С. 207.

лось стремление правых сил привлечь интеллигенцию к агитационно-пропагандистской работе на основе кадетско-либеральных лозунгов¹⁹.

На протяжении 1919 года Союз интеллигенции организовал несколько встреч, где с лекциями по проблемам народности, нации, национальности и государственности выступали лидеры правых сил, собрал библиотеку из около 200 книг для отправки солдатам на фронт. Но фактически Союз стал мертворожденным объединением. Участие в его деятельности принимала незначительная часть интеллигенции крайне правого крыла. Даже архангельские кадеты признавали, что под завуалированными лозунгами «борьбы за высшую культуру во всех областях жизни» был создан особый тип партии, который был именован «этико-политическим»²⁰.

Вскоре правительство, потерявшее доверие не только в лице народных масс, но и среди преобладающего большинства северной интеллигенции, пало. Утром 19 февраля 1920 года правительство Е.К. Миллера бежало из Архангельска. 21 февраля 1920 года в город вступили части Красной армии. К 28 февраля 1920 года советская власть утвердилась и во всех населенных пунктах Кольского полуострова²¹. Учителя, медицинские работники, специалисты ветеринарного профиля, земские деятели приветствовали советскую власть и клялись «употребить всю свою силу, все свои знания, всю свою энергию на укрепление нового фронта»²².

Часть политически активной интеллигенции эмигрировала за рубеж. Другие, не согласные с большевистскими лозунгами, были вынуждены смириться с советской властью. В зоне действия советской власти был взят курс на концентрацию всех сил и средств во имя победы; с учетом условий военного времени и в соответствии с доминировавшей парадигмой скорейшего воплощения в жизнь идей коммунистического общежития широко использовались командно-административные и принудительно-мобилизационные модели взаимодействия с обществом, обращалось серьезное внимание на укрепление интеллектуальной мощи.

¹⁹ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (ИАОИРС). 1919. № 3–4. С. 82–84; Отечество. 1919. 10 апреля, 12 апреля, 13 мая, 22 мая, 24–25 мая; Русский Север. 1919. 6 марта, 3 апреля, 5 апреля, 6 апреля, 9 апреля, 6 июня, 20 июня, 21 июня.

²⁰ ИАОИРС. 1919. № 5–6. С. 133; Русский Север. 1919. 3–6, 9 апреля, 20–21 июня, 5 декабря; За Россию. 1919. 7 декабря; Возрождение Севера. 1919. 6 ноября.

²¹ *Голдин В.И.* Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918–1920 гг.). Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1989. С. 87; *Овсянкин Е.И.* Архангельск: годы революции и военной интервенции. 1917–1920 гг. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1987. С. 221; *Киселев А.А., Климов Ю.Н.* Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1977. С. 195–197.

²² ГААО. Ф. 218. Оп. 2. Д. 95. Л. 4–9; Д. 100. Л. 1–27; Д. 113. Л. 27, 46; Ф. 352. Оп. 1. Д. 158. Л. 41.

Наращивание интеллектуального потенциала осуществлялось с одной стороны через создание системы подготовки квалифицированных кадров из числа союзников власти – рабочих и крестьян, с другой – путем привлечения «старых» специалистов.

Стремительно расширялась система подготовки кадров высшей и средне-специальной квалификации. Только за период 1918–1920 гг. за счет открытия новых учебных заведений, и путем повышения статуса ранее существовавших численность вузов возросла с 1 до 4, средних специальных учебных заведений – с 2 до 15. Созданный в декабре 1917 года Вологодский молочно-хозяйственный институт пополнился Вологодским учительским институтом, который получил статус вуза, и двумя Пролетарскими университетами в Вологде и Великом Устюге. Общая численность студентов за 1917–1920 гг. утроилась и превысила 3 тыс. чел. Из них 1100 чел. обучались в вузах²³.

Начало широко практиковаться выдвижение в интеллектуальные сферы труда выходцев из пролетарской среды. Уже к 1920 году Вологодский губисполком на 70 %, Северо-Двинский на 84 % были укомплектованы выдвиженцами. В уездных и волостных исполкомах и сельских советах их удельный вес достигал до 90–95 %²⁴.

Несомненно, выдвиженчество периода Гражданской войны не являлось действенным каналом наращивания интеллектуального потенциала региона. Однако данный путь формирования административно-управленческого аппарата позволил большевикам удержать командные высоты в управлении государством и экономикой, а также обеспечил поддержку режима идейно-преданными кадрами.

Идеологи большевизма были убеждены, что преобладающая часть «старых» специалистов неспособна преодолеть свои «буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки» и изменить свои мировоззренческие установки в пользу советской власти²⁵. В связи с этим по отношению к ним использовался сугубо праг-

²³ Культурное строительство на Севере. 1917–1941 годы. Документы и материалы. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство. С. 66, 85; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 гг. Вологда: Вологодское губстатбюро, 1926. С. 124–128; 10 лет строительства Советской власти в Вологодской губернии. Вологда: Северный печатник, 1927. С. 137–138.

²⁴ Малахов Р.А. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1918–1920-х годов (На материалах Архангельской и Вологодской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда: ВоГУ, 1999. С. 21; ГАВО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 49. Л. 221, 320; Д. 261. Л. 6; Оп. 3. Д. 34. Л. 13–220.

²⁵ Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. // Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1962. Т. 36. С. 381–382; *Он же*. О культурной революции: Сб. ст. М.: Издательство политической литературы, 1971. С. 171.

матичный подход. Им предлагалось не идейное единение, а временное сотрудничество на профессиональной стезе.

На «Красном Севере» в связи с позицией по отношению к большевикам отношение к «старым» специалистам было недоверчивым. Некоторые советские управленцы предлагали полностью отказаться от их услуг²⁶. Однако в условиях острого кадрового дефицита привлечение буржуазных специалистов было признано необходимым. Председатель Вологодского губисполкома М.К. Ветошкин в своем выступлении на III губернском съезде советов, состоявшемся в июне 1919 года, отмечал: «Построить социализм без интеллигентских сил нельзя: масса далеко не просвещена. Из ничего строить социализм нельзя – необходим духовный материал. Мы не можем выбрасывать интеллигенцию, мы должны ее использовать»²⁷.

В числе методов воздействия на интеллигенцию в годы Гражданской войны практиковались принудительно-мобилизационные и агитационно-пропагандистские методы. Власть взывала к патриотическим чувствам интеллигенции, культивировала идеи служения родине и народу, что было не чуждо ей. Их ответственность заметно возросла по мере нарастания кризисных явлений на «Белом Севере» и информация о состоянии дел на этой территории доходила до жителей и интеллигенции Вологодской и Северо-Двинской губерний. Однако принудительное привлечение к трудовой деятельности и иным повинностям культурно-просветительского плана, репрессивно-карательные меры воздействия на интеллигенцию в эти годы являлись приоритетными.

Репрессии в годы Гражданской войны коснулись всех слоев общества, однако более широко им подверглась интеллигенция. При удельном весе среди населения менее 1 % четверть всех репрессированных приходилась на интеллигенцию. К примеру, в середине 1920 года в Вологодском губернском лагере принудительных работ 28 % из 1050 заключенных являлись работниками интеллектуального труда. В том числе 189 чел. – чиновники и бухгалтеры, 49 чел. – инженеры и техники, 21 специалист в области сельского и лесного хозяйства, 14 медицинских и ветеринарных работников, 9 учителей и 12 представителей творческих профессий²⁸.

Отношение интеллигенции «Красного Севера» к большевистскому режиму имело множество проявлений и претерпело существенную трансформацию на протяжении Гражданской войны. На добровольное сотрудничество с советской властью пошли народные учителя, медицинские и ветеринарные фельдшеры, техники, специалисты сельского хозяйства. Некоторые из них проникались

²⁶ ГАВО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 48. Л. 19–27, 81; ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 66. Л. 27.

²⁷ Борьба за власть Советов в Вологодской губернии (1917–1918 гг.): Сб. документов / под ред. П.К. Перепеченко. Вологда: Областная книжная редакция, 1987. С. 243.

²⁸ ГАВО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 482. Л. 12–13.

идеями построения общества «социальной справедливости» и становились сторонниками большевизма по убеждению. Об этом свидетельствует появление в составе партийных организаций северных губерний представителей традиционных групп интеллигенции, которые практически полностью состояли из специалистов с дореволюционным стажем. Если в середине 1918 года было единственным явлением членство в партии инженерно-технических и медицинских работников, специалистов сельского хозяйства, педагогов, то к началу 1920 года их удельный вес среди членов партии возрос до 5–7 %²⁹.

Другая группа интеллигенции, оставаясь идейно-политическим оппонентом большевизма, была вынуждена согласиться на сотрудничество с советской властью на профессиональной стезе. Одним из примеров такого плана является судьба П.А. Сорокина – уроженца Вологодской губернии, известного общественного деятеля и ученого, члена партии эсеров, секретаря А.Ф. Керенского. Летом 1918 года он вернулся на родину, участвовал в деятельности тайной организации, планировавшей организацию антисоветского переворота в Вологде. В последующем, не сумев перейти линию фронта и перебраться в Архангельск, где утвердился антибольшевистский режим, он был вынужден согласиться на сотрудничество с советской властью³⁰.

Третьи, добровольно и добросовестно трудясь на профессиональной стезе, продолжали открыто проявлять недовольство политической практикой большевиков. Вплоть до декабря 1918 года учителя, медицинские и ветеринарные врачи Вологодской и Северо-Двинской губерний в знак протеста против комплектования советских государственных органов малокомпетентными людьми отказывались от участия в деятельности коллегиально совещательных органов, от заполнения вакантных мест в отраслевых отделах исполкомов. В 1919 году конфликт вологодских врачей с властью вспыхнул с новой силой. Они выражали недовольство централизацией профсоюзов и их построением по производственному принципу. На Всероссийском съезде врачебных секций союза «Всемирно-медицинский труд», проходившем в Москве 10–17 августа 1920 года, была оглашена декларация вологодских врачей и аптечных работников об отказе входить в единый Союз медицинских работников. Документ был подписан практически всеми врачами³¹.

Одновременно часть образованных слоев, не согласных с политикой советской власти, уходила во внутреннюю эмиграцию; дистанцируясь от политиче-

²⁹ ГАВО. Ф. 585. Оп. 2. Д. 220. Л. 39; ГААО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 410. Л. 25; Д. 510. Л. 1–7.

³⁰ *Сорокин П.А.* На лоне природы // Белый север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. 1 / сост., вступ. ст. и коммент. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1993. С. 158–169.

³¹ *Силин А.В.* Учительство Европейского Севера в годы революции и Гражданской войны: автореф. дис.... канд. ист. наук. Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. С. 17; ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 10. Л. 78–85; Ф. 585. Оп. 2. Д. 71. Л. 2–3.

ских проблем, она сосредоточилась исключительно на профессиональной деятельности. О наличии приверженцев данной позиции можно судить по сводкам о политическом состоянии в губернии, которые фиксируют, что «большинство интеллигенции остается в стороне от хода событий». Подобная позиция довольно часто принимала такие формы, как отказ от участия в общественно-политических мероприятиях, непосещение профсоюзных собраний, формальное отношение к общественным поручениям.

Однако в целом оппозиционный пыл «старых» специалистов к исходу Гражданской войны заметно угас, преобладающее большинство из них добровольно или вынужденно согласилось на сотрудничество с советской властью. Партийно-государственным деятелям советского Севера удалось мобилизовать интеллектуальный потенциал интеллигенции дореволюционного поколения на реализацию собственных задач. Она была задействована во всех без исключения сферах жизнедеятельности региона и явилась основным интеллектуальным ядром, обеспечившим победу большевиков. К 1920 году дореволюционный управленческий стаж имели 10 % заведующих отделами и 25 % заведующих подотделами и инструкторов северных губисполкомов, 30 % членов губернских и городских, 20 % членов уездных исполкомов, 10 % членов волостных и сельских советов. В составе судебных и карательных учреждений удельный вес старых специалистов достигал 50 %. Даже в представительных органах советской власти число депутатов от интеллигенции составляло 25–35 %, что не уступало ее представительству в земских и городских органах самоуправления в период от Февраля к Октябрю 1917 года³².

Мотивы, побудившие «старых» специалистов пойти на сотрудничество с советской властью, были многообразны. Среди них: страх перед репрессиями, необходимость материального обеспечения семей, усталость от войны, политической нестабильности, социально-бытовой необустроенности; стремление преодолеть деструктивные тенденции в обществе и заняться созидательным трудом, осознание бесперспективности дальнейшей борьбы с большевизмом по мере побед Красной Армии на фронтах гражданской войны, осознание роли большевиков в сохранении территориальной целостности страны, идейная трансформация в пользу доктрины большевизма и другие, обусловленные комплексом личностных и гражданских установок.

Заключение

Резюмируя в целом, следует признать, что не без участия политизированной части российской интеллигенции Гражданская война приобрела столь мас-

³² Малахов Р.А. Указ. соч. С. 24; ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 67. Л. 30; Ф. 4097. Оп. 4. Д. 7. Л. 110–111; ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3498. Л. 11–12; Ф. 53. Оп. 1. Д. 261. Л. 6; Д. 606. Л. 70–71; Оп. 3. Д. 34. Л. 13–220; Ф. 585. Оп. 2. Д. 220. Л. 127–128.

штабный и кровопролитный характер. Именно интеллигенция оформляла идеологию и программы общественно-политических партий и движений, формировала их социальную базу. В данном случае справедливы утверждения О.В. Золотарева, что во многом революционные процессы 1917 года и феномен Гражданской войны объясняются бескомпромиссностью интеллигенции, конфронтационным типом ее политической культуры, нетерпимостью к инакомыслию, стремлением навязать свою точку зрения, как единственно-правильную³³. На Европейском Севере России энергетика политического перенапряжения в годы Гражданской войны была также обусловлена высокой концентрацией антибольшевистских сил и внешнеполитическим фактором, а именно – присутствием союзнических войск.

Вместе с тем, несмотря на то, что водоворот событий вовлекал в стихию Гражданской войны все слои населения, преобладающее большинство массовых групп интеллигенции отличалось низкой политической активностью и в число своих приоритетов ставило деятельность на профессиональном поприще.

В условиях расколотого на «Красный» и «Белый» Север социокультурного пространства интеллигенция Европейского Севера прошла мучительный путь переосмысления собственных взглядов, позиций и отношения к сложившимся в годы Гражданской войны политическим институтам и идеологиям. Из потенциального союзника антибольшевизма она вольно или невольно пришла к осознанию необходимости сотрудничества с советской властью, что было обусловлено множеством факторов. Среди них и неспособность разнородного по составу антибольшевистского движения отказаться от политиканства, межпартийной вражды и консолидировать общество во имя реализации общей цели; признание заслуг большевиков в спасении страны и сохранении ее территориальной целостности; разочарование в западных союзниках, которые, как оказалось, преследовали свои корыстные цели. Представляется, что для большинства региональной интеллигенции, в той или иной мере носителей традиционных ценностей, на подсознательном уровне были более близки идеи сильной и крепкой власти, носителями которой являлись большевики. Тогда как представители антибольшевистского движения, декларируя демократические лозунги и либеральные ценности, погрязли в ожесточенной политической конфронтации между собой, усиливая тем самым деструктивные тенденции.

³³ Золотарев О.В. Интеллигенция Советской России в 1920-е годы // 1917 год в судьбах регионов, страны и мира: взгляд из XXI века: сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.И. Голдина. Архангельск: САФУ, 2017. С. 90.

Introduction

The Civil War of 1918–22 was the toughest social drama, which had a significant impact on the destinies of the world, the country, its regions and specific people. This multidimensional phenomenon dragged every layer of Russian society without exception into the area of its influence, and resulted in many kinds of local wars and confrontations: between regular armies, regions, social-political movements and social strata. Under the conditions of skyrocketing intolerance and emotional overload, not only representatives of various social groups but also members of the same family would often find themselves in the dissenting camps.

One of the main aspects of the multidimensional social history of the Civil War was the problem of the place and role of the intelligentsia, which became the research focus of both Russian and foreign scientists. Russian research traditions trace their origins to the 1920s and are represented by a wide number of publications. The 1990s boom to study the intelligentsia expanded the scope of research significantly. In addition to traditional plots, new research subject matters appeared, such as the intelligentsia and the anti-Bolshevik movement; the fate of the intelligentsia in post-revolutionary Russia, the intelligentsia and emigration¹.

At present, the focus of research has shifted from metropolitan cities to the regions. In particular, the concentration of researchers who deal with the issues of theory and history of the intelligentsia, its place and role in the life of Russian society, is observed around the Research Institute on the intellectual élite at Ivanovo State University. The subject-matter of the intelligentsia in the revolutionary processes of 1917 and under the conditions of the Civil War is being widely represented at different thematic international conferences held by the Institute and on the pages of the journal ‘The intelligentsia and the world’².

The revolutionary processes of 1917 and the Civil War through the eyes of various professional and regional groups of the intellectual élite, their ideological and political views, the system of relations with the Bolshevik government and with the anti-Bolshevik regimes, the fate of the intelligentsia in post-revolutionary Russia and abroad were widely covered in the materials of international six-year project dedicated to the events of 1917–22 in Russia, which was implemented in 2007–12 by the

¹ V.S. Volkov, “Russian intelligentsia in the Civil War: Positions, functions and role”, in *Origin and the initial stage of the Civil War. 1918: Materials of the 2nd session, 28–30th June 1993* (Moscow: Nauka, 1994), 132–133; V.I. Goldin, *Russia in the Civil War. Essays on the latest historiography (the second half of the 1980s – 1990s)* (Arkhangelsk: Borges, 2000); V.D. Zimina and Yu.D. Grazhdanov, *Intellectuals in the political processes of Russia in early 20th century* (Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby, 1999); T.P. Teterevleva, *Northern emigration in Russia: Genesis and the processes of adaptation. 1918–1930-s* (PhD dissertation. Arkhangelsk: Pomorskij gosudarstvennyj universitet, 1997).

² The intelligentsia and the world. Official site, http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/ (date of access: 05.05.2018)

North-West Section of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on the history of social reforms, movements and revolutions (Arkhangelsk)³.

This topic is also not neglected by the Association of the Civil War researchers – an interdisciplinary association of historians from several countries, which annually publishes its own Almanac⁴.

At the turn of the 20th and 21st centuries, the foreign scientific literature got a ‘new’ perspective of history of the Russian intelligentsia. Exceptional and landmark accusatory interpretations of the intelligentsia receded in the past. Attempts are being made to represent the whole range of ideological and political views of the intellectual élite and the evolution of those views in 1917–22, as well as to reveal the practiced models of interaction between the intelligentsia, the Soviet authorities and the anti-Bolshevik regimes. We can see the whole variety of motives for working for the Soviet government in such ways as voluntary or forced and passive cooperation, internal migration and collaborationism. It is quite rightly noted that the ‘White’ movement, torn apart by the inside contradictions, proved to be incapable of consolidating the intelligentsia⁵.

³ A.V. Kvakín, “The unfolding of the large-scale Civil War and the new Soviet everyday life of the intelligentsia of Russia”, in *1918 in the destinies of Russia and the world: The unfolding of a large-scale Civil War and international intervention: Proceedings of the international scientific conference* (Arkhangelsk: Solti, 2008), 198–204; O.B. Molodov, “1920 in the fate of Orthodoxy in Vologda region (based on materials of periodical press)”, in *1920 in the destinies of Russia and the world: The apotheosis of the Civil War in Russia and its impact on international relations: Proceedings of the international conference* (Arkhangelsk: Solti, 2010), 144–48; V.L. Dyachkov, and L.G. Protasov, “Regional political élites on the historical crucial point of 1917–21”, in *1921 in the destinies of Russia and the world: From the Civil War to the post-war world and the new international relations: Proceedings of the international scientific conference* (Murmansk: MGGU, 2011), 147–50; V.K. Romanovskii, “1921: The intelligentsia of Russia in search of national reconciliation”, in *Ibid*, 194–98; E.F. Koltovoi, “Former ‘Whites’. Steps into the unknown”, in *1922 in the destinies of Russia and the European North: The final, results, and consequences of the Civil War in “Russia: Proceedings of the international scientific conference”* (Arkhangelsk: NArFU, 2012), 185–89.

⁴ The Almanac of the Association of the Civil War researchers of Russia; edited by V.I. Goldin (Arkhangelsk: NArFU, 2015–17).

⁵ L. Manchester, *Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia and the modern self in revolutionary Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008); H.A. Stammeler, *Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia, 1900–1912: The Vekhi Debate and its Intellectual Background* (New York: Barnes & Noble, 1980); J. Burbank, *Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922* (New-York; Oxford: Oxford University Press, 1989), <https://books.google.ru/books?id=nJHHAttsOL4C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (date of access: 20.04.2018); *State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*; edited by Diane P. Koenker (Bloomington: Indiana University Press, 1989), https://books.google.ru/books?id=rhzQKk40WCIC&dq=Russian+Intelligentsia+and+Civil+War&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (date of access: 20.04.2018); Christopher Read, *Culture and power in revolutionary Russia: the intelligentsia and the transition from tsarism to communism* (New York: St. Martin's Press, 1990).

The specific character of the historiographical period at the end of the 20th and 21st centuries lies in the attempts of new conceptual interpretation of the regional themes. Of special interest is the point of view of A.A. Danilov and V.S. Memetov, who proposed to consider the territory of the Russian state not as its unified and uniform integrity, but rather a diverse set of independent regional subsystems, where the national processes received a kind of deflection, and where the behaviour pattern of the intelligentsia in 1918–22 had its own specifics⁶. In this context, it is important to identify the behaviour and socio-political attitudes of the intelligentsia in Northern European Russia during the Civil War, which is currently represented by separate studies devoted to individual professional groups⁷.

Main body

The Civil War drew a border line, or the so-called demarcation line, through once unified social and cultural space of Northern European Russia, leaving families, social and professional groups, counties – or uyezds – and culturally and historically interconnected provinces on opposite sides of the barricades. Because of the anti-Bolsheviks coming to power in Arkhangelsk on 2nd August 1918, the Vologda Governorate, the Severodvinsk Governorate and part of the southern districts of Arkhangelsk region remained around the Bolshevik influence. The ‘White North’, also known as the ‘Northern Region’, included the northern provinces (uyezyds) of the Arkhangelsk Governorate, including Murmansk region. The zero-sum game in this case largely depended on the extent to which the established power structures would be able to ensure the intellectual saturation of their own movements. Thus, it was the intellectual élite, to whom they attributed all hopes for the consolidation of the local community under the banners, the effective organization of the armed forces and provision of daily activities ‘behind the lines’.

It must be admitted that the ‘launch’ opportunities of the ‘Red North’ were noticeably weaker. The intellectual élite, which in the overwhelming majority criticised the events of October 1917 and protested the first measures of Soviet power, mostly sympathized and acted in favour of the anti-Bolshevik forces.

Around operation of the Soviet government, the situation in the region was complicated by the lack of qualified specialists, whose number was significantly reduced because of mobilization during the First World War. During the period of 1914–17, 40 % of doctors, paramedics, and medical assistants were mobilized to the front. The number of specialists in agriculture also fell by 50 %. In the Vologda Governorate

⁶ A.A. Danilov and V.S. Memetov, *The Intelligentsia of a Province in the History and Culture of Russia*. Ivanovo: IvGU, 1997.

⁷ R.A. Malakhov, *Provincial officialdom of Northern European Russia in 1918–20. On the materials of Arkhangelsk and Vologda Governorates* (PhD dissertation. Vologda: VoGU, 1999); A.V. Silin, *The teaching in the European North during the years of the Revolution and the Civil War* (PhD dissertation. Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet, 2000).

alone, by the beginning 1919, due to lack of specialists, five out of 12 veterinary clinics were not working. In the absence of trained personnel, 84 schools of Vologda Governorate were closed⁸.

Against the background of the Civil War that broke out in the region and the massive mobilization of the local specialists into the ranks of the Red Army, the disproportion between the supply and demand for skilled labour had increased. Only for the period from September 1918 to July 1919, more than 700 medical workers, 50 % of the available veterinarians and 30 % of veterinary medical assistants were sent to the front⁹.

The staffing problem also intensified because of the fastest attempts to build the foundations of communism by military mobilization methods. Within a short time, the solution for a broad range of various problems was supposed to be found: abolition of illiteracy, introduction of universal compulsory education, development of a broad network of mass cultural institutions, 'proletarianization' of vocational schools (colleges) and higher education and full nationalization of all enterprises.

In turn, the 'White North' became centre of attraction for the intellectual élite from other regions of the country. There was an increasing influx of ideological opponents of Bolshevism, lawyers, engineers, teachers and representatives of art profession, who did not agree with the policy of Soviet power.

The internal migration in the region, particularly 'escape' of the intelligentsia from the territories occupied by the Red Army, also contributed to the growth of the intelligentsia proportion in the Northern region. On 27th February 1919, in the log of a special council of the Northern Region on managing refugees, 800 refugees were recorded. One in four of those refugees was a representative of intellectual professions. As an example, on the night of the 25th to the 26th January 1919, 606 people fled from Shenkursk captured by the units of the Red Army; 130 of them were qualified specialists. Among them, there were 44 officials, 22 teachers, 11 clergymen and ten representatives of agricultural intelligentsia. Among the refugees, the following people were also registered: P.A. Levanidov, former deputy of the 4th State Duma and chairman of the township of Shenkursk county (uyezd) government; A.A. Yeltsov, director of Shenkursk gymnasium; V.P. Kuznetsov, editor of the local newspaper; G.N. Preobrazhensky, county agronomist; F.G. Mikhailov, local forest inspector; and many others¹⁰.

As a result, by the beginning of 1919, the number of intellectuals in the Northern region had increased 2.5 times. Owing to the creation of a ramified network of management and judiciary, the number of officials increased by 50 %, the total number of

⁸ Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti (GAAO) f. 273, op. 1, d. 232, l. 115; Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti (GAVO) f. 585, op. 2, d. 220, ll. 27–28; d. 510, l. 55.

⁹ GAVO f. 585, op. 2, d. 155, ll. 96–97; d. 220, ll. 27–28, 60; d. 510, l. 55.

¹⁰ GAAO f. 1073, op. 1, d. 37, ll. 41–43; GAAO f. 2069, op. 1, d. 11, ll. 1–89.

lawyers increased by seven times, and the total number of teachers, doctors, medical and veterinary paramedics increased by 25 %. One in four representatives of the educated stratum was an officer¹¹. Many of them were from the upper classes and had a high level of education. In connection with a large influx of visitors, the oversupply of teachers was observed in the schools of Murmansk region and at the border with the Soviet zone of the Kholmogory district¹².

However, the analysis of dynamics in the development of social and political views of the intellectual élite in the Northern region and the common practice of their interaction with the anti-Bolshevik authorities, gives us an opportunity to ascertain that the government of the Northern region could not take advantage of the received odds for a variety of reasons.

The contradictions between the local and the newly-arrived intellectuals from the other regions escalated into open enmities and exchanging abuse by mid-1919. There were a few reasons underlying the conflict. First, opposite social attitudes. The local intelligentsia was characterized by weak political engagement and was mainly orientated towards cultural and productive work. Even the politicized part of the urban intelligentsia invested their hopes in the anti-Bolshevik government in solving social, cultural and economic problems of the region¹³. Whereas, the newly-arrived intellectuals were notable for extreme politicization and, among priority tasks, considered struggle against Bolshevism. Moreover, this ‘new’ intelligentsia took leading positions in all significant power structures, elbowing out the local intelligentsia from participation. Fascinated by the political struggle, not having proper professional competency and without knowing the specifics of the local conditions, the ‘new-comer’ intellectuals, who settled in the power structures, were not capable of constructive management, which caused well-deserved reproaches and accusations from the regional community. In addition, the intellectuals from the centre perceived the north of Russia as the middle of nowhere, a backward province and did not take the local intelligentsia seriously or even treated them depreciatingly, which also increased tensions.

Many unflattering mutual accusations found their place on the front pages of regional newspapers. The local intelligentsia was accused of indifference, political illiteracy and adherence to petty-bourgeois consumer psychology. It was commanded to wake up from ‘lethargy’, to abandon neutrality, when “the country was in danger and

¹¹ F.Kh. Sokolova, *Intellectuals of the European North of Russia: Organisation and dynamics of relations with the authorities (1917–30)* (PhD dissertation. Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet, 2005), 286.

¹² GAAO F. 273, Op. 1, d. 592, ll. 6–12; GAAO f. 1865, op. 1, d. 436, l. 32; d. 900, ll. 85–86; *Vozrozhdenie Severa*, 23rd September 1918.

¹³ *Russkii Sever*, 25th April, 7th May, 8th May, 1919.

torn apart by the contradictions”¹⁴. The local intelligentsia, in turn, was irritated by those ‘newly-minted ministers’ who came to govern their region, who did not bother to read the “elementary guidebooks on civil, administrative and economic law” and who were doing politics “without any understanding of the local conditions and characteristics of the region”¹⁵.

The reputation of the anti-Bolsheviks was slipping in the eyes of the northern intelligentsia in connection with the conflict within the anti-Bolshevik movement, which was very diverse in its political composition, and because of its inability to consolidate and forget the differences in the face of the imminent threat. The ideologists of anti-Bolshevism were united in their desire to liberate Russia from the Bolsheviks, however all too often cardinally conversely imagined the future structure of ‘united and great Russia’, as well as ways and means to implement the goal to be sought. Having lost overnight their social status and former privileges, they were extremely intolerant of alternative views, unable to make concessions and compromises and were ready to use any means to achieve their own goals.

Gradually, the ideological and political differentiation escalated into an open confrontation. As the content analysis of periodicals with various political trends shows, the leaders of different social and political groups and social movements constantly called for the unity and termination of the cheap politics, and then themselves undermined the foundations for the unity of Russia¹⁶.

Numerous government crises, the never-ending conflicts between various branches of power (military and civil administration, the frame of government in the Northern region and zemstvo institutions, representatives of Russian and foreign military administration), the evolution of the anti-Bolshevik regime in favour of the right forces (after the fall of the Supreme Administration of the Northern region and creation of the Provisional Government of the Northern Region on 9th October 1918) and towards the military dictatorship (after the arrival in January 1919 to Arkhangelsk of General E.K. Miller, who was appointed Governor-General holding the rights of commander-in-chief of a separate army), the punitive-repressive policy that was gathering pace and the mandatory mobilization way of interaction with the local society finally distanced the regional intelligentsia from the power and neutralized in their eyes the differences between Soviet power and the anti-Bolshevik regimes. The most massive groups of the northern intelligentsia were mostly teachers, members of medical-veterinary and paramedical community, technologists, agricultural intelli-

¹⁴ *Severnoe Utro*, 15th August, 22nd November, 25th November, 1918, 20th January, 25th January, 13th February, 9th March, 4th September, 1919; *Otechestvo*, 15th September 1918, 11th January, 11th February, 11th March, 1919.

¹⁵ *Russkii Sever*, 26th March, 25th April 1919.

¹⁶ *Severnoe Utro*, 13th December 1919.

gentsia, whereas part of Zemstvo officials were forced to admit that “the order in the region was no better than in Bolshevik Russia”¹⁷.

The regional intelligentsia came to believe that the ‘visitant’ politicians were not concerned at all about either their small homeland or about Russia, that they, under the canopy of high ideas, pursued narrow party or personal interests. General V.V. Marushevsky, an assistant to Governor-General on the military deployment and head of the department responsible for command and control of the Russian troops in the Northern region, described the situation as follows, “Arkhangelsk region treated its government with complete indifference, which amazed every newcomer in the city. The government was not subjected to attacks or sharp criticism from the people, yet did not get even the slightest support”¹⁸.

The arrangement in April 1919 of the Union of Intelligentsia was an attempt of the right wing to consolidate the ‘state-thinking’ part of the northern intelligentsia. Formally, according to the idea of the organizers, the Union's goal was to attract the intelligentsia to “the revival of Russian national identity based on the ideas of the state, fatherland, nation, law and culture”. However, behind the slogans of neutrality there was the desire of the right forces to attract the intelligentsia to agitation and propaganda on the ground of cadet and liberal slogans¹⁹.

Throughout 1919, the Union arranged several meetings, where lectures on problems of the nation, nationality and statehood were delivered by the right-wing leaders. It also collected a library of about 200 books to be sent to the soldiers at the front. However, in fact, the Union became a ‘stillborn’ association. Only a very small part of the intelligentsia belonging to the extreme right wing participated in its activities. Even cadets in Arkhangelsk admitted that the ‘veiled’ slogans to “struggle for higher culture in all areas of life” created a special type of a party which was named ‘ethical and political’²⁰.

Soon, the government, which had lost its confidence not only in the name of masses of people, however also amongst the overwhelming majority of the northern intelligentsia, fell. On the morning of 19th February 1920, the government of E.K. Miller fled from Arkhangelsk. On 21st February 1920, the units of the Red Army entered the city. By 28th February 1920, Soviet power was proclaimed in all settlements

¹⁷ *Vozrozhdenie Severa*, 8th August 1919.

¹⁸ V.V. Marushevsky, “A year in the North (August 1918 – August 1919)”, in “‘White’ North. 1918–20 Memoirs and documents. Issue 1”, edited by V.I. Goldin (Arkhangelsk: Pravda Severa, 1993), 207.

¹⁹ *Proceedings of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North*, no. 3–4 (1919): 82–84; *Otechestvo*, 10th April, 12th April, 13th May, 22nd May, 24–25th May, 1919; *Russkii Sever*, 6th March, 3rd April, 5th April, 6th April, 9th April, 6th June, 20th June, 21st June, 1919.

²⁰ *Proceedings of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North*, no. 5–6, 1919, 133; *Russkii Sever* 9th, 3–6th April; 20–21st June; 5th December 1919; *Za Rossiyu*, 7th December 1919; *Vozrozhdenie Severa*, 6th November 1919.

of the Kola Peninsula²¹. Teachers, medical workers, veterinarians, and zemstvo workers welcomed Soviet power and swore “to use all their strength, knowledge and energy to strengthen the new front”²².

Part of the politically active intelligentsia emigrated abroad. Others, who did not agree with the Bolshevik slogans, were forced to accept the Soviet regime.

Around operation of the Soviet authorities, on the contrary, they were set to concentrate all forces and resources in the name of the victory. Considering the war-time conditions and in accordance with the dominant paradigm of the speedy implementation of the so-called ‘communist community’ ideas, command-and-control and the forced mobilization models were widely used to interact with the society, and serious consideration was paid to strengthening the intellectual power.

The build-up of intelligent potential was started on the one hand through creation of the system used to train qualified personnel from among the allies of the government – workers and peasants; and on the other hand, by attracting ‘time-honoured’ specialists.

Talent development framework, both in higher education and technical proficiency skills, was developing apace. Only during the period covering 1918–20, owing to opening of new educational institutions and upgrading the status of existing ones, the total number of higher education institutions increased from one to four, specialised secondary schools – from two to 15. Vologda Dairy Institute established in December 1917, increased its membership along with Vologda Teachers' Institute, which received the status of a higher educational establishment, and there also were two proletarian universities in Vologda and Velikiy Ustyug. In 1917–20, the total number of students tripled and exceeded 3,000 people. Among them, 1100 students studied in higher educational establishments²³.

The advancement of people born and raised in the proletarian families to the intellectual arena was in common practice. As early as 1920, the Executive Committee of Vologda Governorate was staffed with promoted workers by 70 %, whereas the Executive Committee of the Severodvinsk Governorate – by 84 %. In executive

²¹ V.I. Goldin, *The Counter-revolution in the North of Russia and its Collapse (1918–1920)* (Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1989), 87; E.I. Ovsyankin, *Arkhangelsk: The years of Revolution and military intervention. 1917–1920* (Arkhangelsk: Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987), 221; A.A. Kiselev and Yu.N. Klimov, *Murman in the days of the Revolution and Civil War* (Murmansk: Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977), 195–97.

²² GAAO f. 218, op. 2, d. 95, ll. 4–9; d. 100, ll. 1–27; d. 113, ll. 27, 46; GAAO f. 352, op. 1, d. 158, l. 41.

²³ *The cultural construction in the North. 1917–41. Documents and materials* (Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo), 66, 85; *Statistical collection of Vologda Governorate for 1917–24* (Vologda: Vologodskoe gubstatbyuro, 1926), 124–128; *10 years of Soviet socialist construction in Vologda Governorate* (Vologda: Severnyi pechatnik, 1927), 137–38.

committees and village councils of uyezds and volosts, the share of intellectuals reached 90–95 %²⁴.

Undoubtedly, such a system of promotion of workers to positions of authority during the Civil War period was not an effective route to build-up region's intellectual potential. However, this way of formation of the administrative and managerial personnel allowed the Bolsheviks holding 'vantage grounds' and keep their dominance in the government of the state and economy, as well as provided assistance to the regime from the ideologically committed personnel.

The ideologists of Bolshevism were convinced that the overwhelming majority of 'old' specialists were unable to overcome their 'bourgeois and petty-bourgeois stigmatisation' and to change their ideological attitudes in favour of the Soviet authorities²⁵. As such, a profoundly pragmatic approach was used in their regards. Instead of ideologic unity they were offered temporary collaboration in their professional field.

In the 'Red North', in connection with the attitude towards the Bolsheviks, the attitude towards the 'old' experts were rather sceptical. Some Soviet managers even offered to reject their services completely²⁶. However, under the conditions of acute staff shortage, the involvement of bourgeois specialists was admittedly necessary. M.K. Vetoshkin, chairman of the Executive Committee of Vologda Governorate, noted in his speech at the III governorate congress of Soviets Provincial Congress held in June 1919, "It is impossible to build socialism without intellectual forces, as the masses are far from being enlightened. Socialism cannot be built out of nothing – spiritual material is needed. We cannot throw out the intelligentsia, we must use it"²⁷.

Among the methods used to influence the intelligentsia during the Civil War, forced-mobilization, agitation and propaganda were widely used. The authorities appealed to the patriotic feelings of the intelligentsia, cultivated the ideas of serving the country and the people, which was of course no stranger to the intelligentsia. Their efficacy grew notably as far as the crisis intensified in the 'White North' and the information on the state of affairs in this territory reached residents and intellectuals of Vologda and Severodvinsk Governorates. However, the 'coercive' employment and other duties related to cultural education, as well as repressive and punitive measures to influence the intelligentsia in those years, were still with highest priority.

²⁴ R.A. Malakhov, *Provincial officialdom of Northern European Russia in 1918–20. On the materials of Arkhangelsk and Vologda Governorates* (PhD dissertation. Vologda: VoGU, 1999), 21; GAVO f. 53, op. 1, d. 49, ll. 221, 320; d. 261, l. 6; GAVO f. 53, op. 3, d. 34, ll. 13–220.

²⁵ V.I. Lenin, "Speech at the First All-Russian Congress of Soviets on the national economy on 26th May 1918", in *Collected Works*. Vol. 36 (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1962), 381–82; Idem. *On the Cultural Revolution: Collection of articles* (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1971), 171.

²⁶ GAVO f. 53, op. 1, d. 48, ll. 19–27, 81; GAAO f. 352, op. 1, d. 66, l. 27.

²⁷ *The struggle for power of the Soviets in Vologda Governorate (1917–18): Collection of articles*; edited by P.K. Perepechenko (Vologda: Oblastnaya knizhnaya redaktsiya, 1987), 243.

The repressions during the Civil War affected all sections of the society, however the intelligentsia was most widely subjected to them. With the proportion of less than 1 % of the population, a quarter of all repressed were intellectuals. As an example, in the mid-1920s, in the forced-labour camp of Vologda Governorate, 28 % of 1050 prisoners were intellectual workers. Among them, there were 189 officials and accountants, 49 engineers and technicians, 21 specialists who worked in the area of agriculture and forestry, 14 medical and veterinary workers, nine teachers and 12 representatives of art professions²⁸.

The attitude of the intelligentsia in the 'Red North' towards the Bolshevik regime had a variety of manifestations and underwent significant transformation during the Civil War. Teachers, medical and veterinary surgeons, technicians and agricultural specialists agreed to voluntary cooperation with the Soviet government. Some of them accepted the ideas of building the society of 'social equity' and became supporters of Bolshevism through conviction rather than force. This can be proved by appearance of representatives from traditional intellectual groups in various party organizations in the northern provinces, whereby such groups almost entirely consisted of specialists with pre-revolutionary experience. If in the mid-1918, there would be isolated cases of party membership among engineers, doctors, agricultural specialists and teachers, then by early 1920, the proportion of such specialists among other party members had increased to 5–7 %²⁹.

Another group of the intelligentsia, whilst remaining ideological and political opponent of Bolshevism, had to agree to cooperate with the Soviet authorities profession-wise. One such example would be the fate of Pitirim Sorokin who was born in Vologda Governorate and became a well-known public figure and scientist, member of the Socialist-Revolutionary Party and a secretary of A.F. Kerensky. In the summer of 1918, he returned to his homeland and participated in the activities of a secret organization that planned the anti-Soviet coup in Vologda. In the time following, unable to cross the front line and move to Arkhangelsk, where the anti-Bolshevik regime was established, he was forced to agree to cooperate with the Soviet authorities³⁰.

The third group of the intelligentsia continued to openly show their discontent with the political practice of the Bolsheviks, whilst voluntarily and conscientiously working in their professional field. Until December 1918, teachers, medical and veterinary doctors of Vologda and Severodvinsk Governorates refused to participate in the activities of collegiate advisory boards and to accept positions in centralised sector teams of executive committees as a mark of protest against recruiting low-

²⁸ GAVO f. 53, op. 1, d. 482, ll. 12–13.

²⁹ GAVO f. 585, op. 2, d. 220, l. 39; GAAO f. 273, op. 1, d. 410, l. 25; d. 510, ll. 1–7.

³⁰ P.A. Sorokin, "In nature's lap", " 'White' North. 1918–20 Memoirs and documents". Issue 1; edited by V.I. Goldin (Arkhangelsk: Pravda Severa, 1993), 158–69.

competent employees to the Soviet state authorities. In 1919, the conflict between Vologda doctors and the authorities came up with a bang. They expressed dissatisfaction with the centralization of trade unions and their creation according to the production principle. At the All-Russian Congress of medical sections of the union 'Vse-medikosantrud', which was held in Moscow on 10–17th August 1920, the declaration of Vologda doctors and pharmacists to refuse entering the Union of Medical Workers was announced. The document was signed by almost all doctors³¹.

At the same time, part of the educated strata disagreed with the policies of the Soviet government. They fled abroad, distanced themselves from the political problems and focused exclusively on their professional activities. One can make a judgement on the presence of adherers to this position from the summary reports on political situation in the Vologda Governorate. For instance, the reports stated that "most of the intelligentsia remained indifferent to the course of events". Such a stance quite often took on such forms as refusal to participate in socio-political events, or non-attendance of trade union meetings and conventional attitude to any social assignments.

However, in general, the opposition 'ardour' of the 'old' experts by the end of the Civil War noticeably died away, the overwhelming majority of them either voluntarily or involuntarily agreed to cooperate with the Soviet authorities. The party statesmen of the Soviet North managed to mobilize the intellectual potential of the intelligentsia belonging to the pre-revolutionary generation to fulfil their own objectives. The intellectual élite was involved in all spheres of region's activities without exception and was the main intellectual core ensuring victory of the Bolsheviks. By 1920, 10 % department supervisors and 25 % of sub-divisional heads and instructors in the northern provincial executive committees, 30 % of members in provincial and city councils, 20 % of members of district executive committees and 10 % of members of volost and village Soviets had pre-revolutionary management experience. In judicial and punitive institutions, the share of 'old' specialists reached 50 %. Even in the representative bodies of Soviet power, the number of deputies from the intelligentsia amounted to 25–35 %, which was no less than the number of representatives in zemstvo and city self-government bodies from February to October 1917³².

The motives that encouraged the 'old' experts to cooperate with the Soviet authorities were quite various. Among them, there were fear of repressions; the need of material support for their families; battle fatigue, political instability, dreadful state of social conditions; the urge to overcome the destructive tendencies in the society and

³¹ A.V. Silin, *The teaching in the European North during the years of the Revolution and the Civil War* (PhD dissertation. Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet, 2000), 17; GAVO f. 294, op. 1, d. 10, ll. 78–85; GAVO f. 585, op. 2, d. 71, ll. 2–3.

³² R.A. Malakhov, *Op. cit.*, 24; GAAO f. 286, op. 1, d. 67, l. 30; GAAO f. 4097, op. 4, d. 7, ll. 110–111; GAVO f. 34, op. 1, d. 3498, ll. 11–12; GAVO f. 53, op. 1, d. 261, l. 6; d. 606, ll. 70–71; GAVO f. 53, op. 3, d. 34, ll. 13–220; GAVO f. 585, op. 2, d. 220, ll. 127–128.

to be engaged in constructive labour; understanding lack of prospects in the further struggle against Bolshevism progressively as the Red Army was winning on the fronts of the Civil War; awareness of the role of the Bolsheviks in preserving the territorial integrity of the country, ideological transformation in favour of the doctrine of Bolshevism and other motives conditioned by a number of personal and civil beliefs.

Conclusion

Summarizing, it must be admitted that it was not without participation of the politically loaded part of the Russian intelligentsia that the Civil War became so slaughterous and large-scale. It was the intellectual élite who arranged the ideologies and programs of socio-political parties and movements and shaped their social basis. In the present instance, true would be the statements of O.V. Zolotarev that largely the revolutionary processes of 1917 and the phenomenon of the Civil War could be explained by the uncompromising nature of the intelligentsia, the confrontational type of their political culture, their intolerance towards opposition and the desire to impose their point of view as the only true one³³. In Northern European Russia, the energetics of political overstress during the Civil War was also conditioned by the high concentration of anti-Bolshevik forces and the foreign policy, to be precise, by the presence of allied forces in the region.

That being said, despite the fact that the events taking place involved all segments of the local population into the whirl of activity and the chaos of the Civil War, the overwhelming majority of the intelligentsia could be characterized by low political activity and by considering their professional activities as number one priority.

Under the conditions of the Northern socio-cultural space split into 'Red' and 'White', the intelligentsia of the European North travelled the 'painful' path of reconsidering their views and attitudes towards political institutions and ideologies that developed during the Civil War. From being a potential supporter of anti-Bolshevism, wishing or not, it came to realize the need of cooperation with the Soviet authorities, which was conditioned by a host of factors. Among other things, the inability of the heterogeneous as per their composition anti-Bolshevik movement to abandon the so-called 'politicking', intraparty enmities and to consolidate the society for the sake of a shared goal; crediting the Bolsheviks in saving the country and preserving its territorial integrity; disenchantment with the Western Allies, who as it turned out, 'had an axe to grind'. It appears that for most of the regional intellectuals, to any extent bearing traditional values who were in some way the carriers of traditional values, on the subconscious level, the ideas of strong hand and strong power, which at the moment belonged to the Bolsheviks, were closer. Whereas, representatives of the anti-

³³ O.V. Zolotarev, "The Intelligentsia of Soviet Russia in the 1920s", in *1917 in the destinies of regions, the country and the world: A view from the 21st century: Proceedings of the international scientific conference*; edited by V.I. Goldin (Arkhangelsk: NArFU, 2017), 90.

Bolshevik movement, by declaring democratic slogans and liberal values, mired in bitter political confrontation against each other, in so doing strengthening the negative tendencies.

Список литературы

Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России / отв. ред. В.И. Голдин. Архангельск: САФУ, 2015–2017.

Волков В.С. Русская интеллигенция в Гражданской войне: позиции, функции, роль // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год: Материалы 2-й сессии, 28–30 июня 1993. М.: Наука, 1994. Ч. 1. С. 132–133.

Голдин В.И. Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918–1920 гг.). Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1989. 94 с.

Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 1990-е годы). Архангельск: Боргес, 2000. 280 с.

Данилов А.А., Меметов В.С. Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново: ИвГУ, 1997. 175 с.

Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Региональные политические элиты на историческом переломе 1917–1921 гг. // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сб. мат. междунар. науч. конф. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 147–150.

Зимина В.Д., Гражданов Ю.Д. Интеллигенция в политических процессах России начала XX века. Волгоград: Издательство Волгоградской академии государственной службы, 1999. 102 с.

Золотарев О.В. Интеллигенция Советской России в 1920-е годы // 1917 год в судьбах регионов, страны и мира: взгляд из XXI века: сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.И. Голдина. Архангельск: САФУ, 2017. С. 90–93.

Квакин А.В. Развертывание широкомасштабной Гражданской войны и новая советская повседневность интеллигенции России // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: сб. мат. междунар. науч. конф. Архангельск: Солти, 2008. С. 198–204.

Киселев А.А., Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1977. 224 с.

Колтовой Е.Ф. Бывшие белые. Шаги в неизвестность // 1922 год в судьбах России и Европейского Севера: финал, итоги, последствия Гражданской войны в России: сб. мат. междунар. конф. Архангельск: САФУ, 2012. С. 185–189.

Малахов Р.А. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1918–1920-х годов. На материалах Архангельской и Вологодской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда: ВоГУ, 1999. 25 с.

Молодов О.Б. 1920 год в судьбе православия на Вологодчине (по материалам периодической печати) // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: сб. мат. междунар. конф. Архангельск: Солти, 2010. С. 144–148.

Овсянкин Е.И. Архангельск: годы революции и военной интервенции. 1917–1920 гг. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1987. 240 с.

Романовский В.К. 1921 год: российская интеллигенция в поисках национального примирения // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и

новым международным отношениям: сб. мат. междунар. науч. конф. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 194–198.

Силин А.В. Учительство Европейского Севера в годы революции и Гражданской войны: автореф. дис.... канд. ист. наук. Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. 23 с.

Соколова Ф.Х. Интеллигенция Европейского Севера России: формирование, динамика взаимоотношений с властью (1917–1930-е годы): дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск: Поморский государственный университет, 2005. 632 с.

Тетеревлева Т.П. Северная российская эмиграция: генезис и адаптационные процессы. 1918–1930-е годы: дис.... канд. ист. наук. Архангельск: Поморский государственный университет, 1997. 216 с.

Burbank J. *Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922*. New-York; Oxford: Oxford University Press, 1989. 340p. URL: <https://books.google.ru/books?id=nJHHAttsOL4C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (Дата обращения 20.04.2018);

Manchester L. *Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia and the modern self in revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008. 288 p.

Read Ch. *Culture and power in revolutionary Russia: the intelligentsia and the transition from tsarism to communism*. New York: St. Martin's Press, 1990. 266 p.

Stammler H.A. *Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia, 1900–1912: The Vekhi Debate and its Intellectual Background*. New York: Barnes & Noble, 1980. 221 p.

State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / edited by Diane P. Koenker. Bloomington: Indiana University Press, 1989. 450 p. URL: https://books.google.ru/books?id=rhZQKk40WCIC&dq=Russian+Intelligentsia+and+Civil+War&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (Дата обращения 20.04.2018).

References

Burbank, J. *Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922*. New-York; Oxford: Oxford University Press, 1989. 340 p. <https://books.google.ru/books?id=nJHHAttsOL4C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (date of access: 20.04.2018).

Danilov, A.A., and V.S. Memetov. *Intelligentsiya provintsii v istorii i kul'ture Rossii* [The Intelligentsia of a Province in the History and Culture of Russia]. Ivanovo: IvGU, 1997. 175 p. (In Russian)

D'yachkov, V.L. and L.G. Protasov. "Regional'nye politicheskie elity na istoricheskom pereleme 1917–1921 gg." [Regional political élites on the historical crucial point of 1917–1921]. In *1921 god v sud'bah Rossii i mira: ot Grazhdanskoi voiny k poslevoennomu miru i novym mezhdunarodnym otnosheniyam* [1921 in the destinies of Russia and the world: From the Civil War to the post-war world and the new international relations: Proceedings of the international scientific conference], 147–50. Murmansk: MGGU, 2011. (In Russian)

Goldin, V.I. *Kontrrevolyutsiya na Severe Rossii i ee krusheniye (1918–1920 gg.)* [The Counter-revolution in the North of Russia and its Collapse (1918–1920)]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1989. 94 p. (In Russian)

Goldin, V.I. *Rossiya v grazhdanskoi voine. Ocherki noveishei istoriografii (vtoraya polovina 1980–1990-e gody)* [Russia in the Civil War. Essays on the latest historiography (the second half of the 1980s – 1990s)]. Arkhangelsk: Borges, 2000. 280 p. (In Russian)

Kiselev, A.A., and Yu.N. Klimov. *Murman v dni revoliutsii i grazhdanskoi voiny* [Murman in the days of the Revolution and Civil War]. Murmansk: Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. 224 p. (In Russian)

Koltovoi, E.F. "Byvshie belye. Shagi v neizvestnost' " [Former 'Whites'. Steps into the unknown]. In "1922 god v sud'bach Rossii i Evropeiskogo Severa: final, itogi, posledstviya grazhdanskoi voiny v Rossii" [1922 in the destinies of Russia and the European North: The final, results and consequences of the Civil War in Russia: Proceedings of the international scientific conference], 185–89. Arkhangel'sk: NArFU, 2012. (In Russian)

Kvakin, A.V. "Razvertyvanie shirokomasshtabnoi Grazhdanskoi voiny i novaya sovetskaya povsednevnost' intelligentsii Rossii" [The unfolding of the large-scale Civil War and the new Soviet everyday life of the intelligentsia of Russia]. In *1918 god v sud'bach Rossii i mira: razvertyvanie shirokomasshtabnoi Grazhdanskoi voiny i mezhdunarodnoi interventsii* [1918 in the destinies of Russia and the world: The unfolding of the large-scale Civil War and international intervention: Proceedings of the international scientific conference], 198–204. Arkhangel'sk: Solti, 2008. (In Russian)

Malakhov, R.A. "Provintsial'noe chinovnichestvo Evropeiskogo Severa Rossii 1918-1920-kh godov. Na materialakh Arkhangel'skoi i Vologodskoi gubernii" [Provincial officialdom of Northern European Russia in 1918–1920. On the materials of Arkhangel'sk and Vologda Governorates]: PhD dissertation. Vologda: VoGU, 1999. 25 p. (In Russian)

Manchester, L. *Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia and the modern self in revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008. 288p.

Molodov, O.B. "1920 god v sud'be pravoslaviya na Vologodchine (na materialakh periodicheskoi pechati)" [1920 in the fate of Orthodoxy in Vologda region (based on materials of periodical press)]. In *1920 god v sud'bach Rossii i mira: apofeoz grazhdanskoi voiny v Rossii i ee vozdeistvie na mezhdunarodnye otnosheniya* [1920 in the destinies of Russia and the world: The apotheosis of the Civil War in Russia and its impact on international relations]: Proceedings of the international conference, 144–48. Arkhangel'sk: Solti, 2010. (In Russian)

Ovsyankin, E.I. *Arkhangel'sk: gody revoliutsii i voennoi interventsii. 1917–1920 gg.* [Arkhangel'sk: The years of Revolution and military intervention. 1917–1920]. Arkhangel'sk: Severozapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. 240 p. (In Russian)

Read, Ch. *Culture and Power in Revolutionary Russia: the Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism*. New York: St. Martin's Press, 1990. 266 p.

Romanovsky, V.K. "1921: Rossiiskaya intelligentsiya v poiskakh natsional'nogo primireniya" [The intelligentsia of Russia in search of national reconciliation]. In *1921 god v sud'bach Rossii i mira: ot Grazhdanskoi voiny k poslevoennomu miru i novym mezhdunarodnym otnosheniyam* [1921 in the destinies of Russia and the world: The apotheosis of the Civil War in Russia and its impact on international relations]: Proceedings of the international conference, 194–98. Arkhangel'sk: MGGU, 2010. (In Russian)

Silin, A.V. *Uchitel'stvo Evropeiskogo Severa v gody revoliutsii i grazhdanskoi voiny* [The teaching in the European North during the years of the Revolution and the Civil War]. PhD diss. Pomorskii gosudarstvennyi universitet, 2000. 23 p. (In Russian)

Sokolova, F.Kh. *Intelligentsiya Evropeiskogo Severa Rossii: formirovanie, dinamika vzaimootnoshenii s vlast'yu (1917–1930-e gody)* [Intellectuals of the European North of Russia: Organisation and dynamics of relations with the authorities (1917–30)]. PhD diss. Pomorskii gosudarstvennyi universitet, 2005. 632 p. (In Russian)

Stammler, H.A. *Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia, 1900–1912: The Vekhi Debate and its Intellectual Background*. New York: Barnes & Noble, 1980. 221 p.

State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History; edited by Diane P. Koenker. Bloomington: Indiana University Press, 1989. 450 p. https://books.google.ru/books?id=rhzQKk40WCIC&dq=Russian+Intelligentsia+and+Civil+War&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (date of access: 20.04.2018).

Teterevleva, T.P. *Severnaya rossiiskaya emigratsiya: genezis i adaptatsionnye protsessy. 1918–1930-e gody* [Northern emigration in Russia: Genesis and the processes of adaptation. 1918–1930-s]: PhD dissertation Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet, 1997. 2016 p. (In Russian)

The Almanac of the Association of the Civil War researchers of Russia; edited by V.I. Goldin. Arkhangelsk: NArFU, 2015–17. (In Russian)

Volkov, V.S. “Russkaya intelligentsiya v Grazhdanskoj voine: pozitsii, funktsii, rol’” [Russian intelligentsia in the Civil War: Positions, functions and role]. In *Proushozhdenie i nachalnyj etap grazhdanskoj voiny. 1918 god. Materialy 2 sessii, 28–30 iyunya 1993* [Origin and the initial stage of the Civil War. 1918. Materials of the 2nd session, 28–30th June 28–1993], Part 1, 132–33. Moscow: Nauka, 1994. (In Russian)

Zimina, V.D, and Yu.D. Grazhdanov. *Intelligentsiya v politicheskikh protsessakh Rossii nachala 20 veka* [Intellectuals in the political processes of Russia at the beginning of the 20th century]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby, 1999. 102 p. (In Russian)

Zolotarev, O.V. “Intelligentsiya Sovetskoi Rossii v 1920-e gody” [The intelligentsia of Soviet Russia in the 1920s]. In *1917 god v sud'bach regionov, strany i mira: vzglyad iz 21 veka* [1917 in the destinies of regions, the country and the world: A view from the 21st century]: Proceedings of the international scientific conference; edited by V.I. Goldin, 90–93. Arkhangelsk: NArFU, 2017. (In Russian)